

Хэ Сю был невероятно популярен, но при этом овеян дурной славой.

После окончания гастрольного тура все полагали, что распри Хэ Сю с группой tu наконец утихнут. Фанаты вздохнули с облегчением, молясь лишь об одном: пусть он перестанет чудить. Ведь с его внешними данными и тем вниманием, которое он получил на старте карьеры, будущее казалось безоблачным.

Однако Хэ Сю проигнорировал молитвы поклонников. Напротив, он доказал, что раньше лишь сдерживался, а теперь готов развернуться по-настоящему.

Хэ Сю подал в суд на Цзян Жао за клевету.

Хэ Сю публично заявил о дедовщине внутри группы tu.

Хэ Сю сообщил о склонности к депрессии и приостановил всю рабочую деятельность.

Новости сыпались одна за другой, ошеломляя публику так, что та едва успевала следить за происходящим.

— Офигеть, вот это поворот.

— Клевета, дедовщина — это еще куда ни шло... но депрессия? Почему в шоу-бизнесе каждый второй страдает от депрессии?

— Мне всегда казалось, что с психикой у Хэ Сю не все в порядке. Зачем человеку в здравом уме, еще не успев толком прославиться, грызться с коллегами? Наверное, это правда.

— Интересно, почему Хэ Сю не ладил с группой? Неужели там правда была дедовщина?

— Если это правда, то я приношу свои извинения за все гадости, которые писал о нем раньше.

Группа tu была на пике популярности, и социальные сети Цзян Жао и двух других участников практически в одночасье оказались захвачены хейтерами. Даже Чао Синьюй не избежал бесконечных расспросов фанатов.

Репутация Хэ Сю была подпорчена, и поначалу пользователи сети ему не верили. Но время шло, страсти накалялись, а участники tu так и не дали никаких комментариев.

Даже Чао Синьюй молчал.

Их единодушное молчание выглядело как признание вины.

Все участники tu прекрасно знали, что Хэ Сю говорит вовсе не о себе.

Тот, кого травили в группе и кто страдал от депрессии, никогда не был Хэ Сю. Это был Чэнь

Мо.

Общественное мнение — это нож, который убивает без крови. Лишь когда на них обрушился шквал злобных комментариев, они поняли, что такое настоящая боль.

Никто никогда не способен до конца прочувствовать чужое горе. Люди осознают остроту ножа, лишь когда он вонзается в их собственную плоть.

Чао Синьюй никогда не думал, что наступит день, когда он побоится читать комментарии. Он очень хотел ответить, что не участвовал в травле.

Но та фраза с его анонимного аккаунта постоянно напоминала ему, что он — один из тех, кто травил Чэнь Мо.

Чао Синьюй понял, чем Хэ Сю отличается от Чэнь Мо. Если их обидеть, Хэ Сю не оставит это без ответа. С самого начала тура он шел на них, словно злой дух, шаг за шагом укрепляя свои позиции и пожирая их.

Чэнь Мо был другим. Совсем другим.

Даже сегодня Чэнь Мо не стал обнародовать то, что было написано с анонимного аккаунта Чао Синьюя. Как бы жестоко ни обходился с ним мир, он оставался мягким и добрым.

Чао Синьюй подумал: если бы Хэ Сю занял его место, он бы точно не стал так по-доброму учить Хэ Сю. И эта мысль вызвала у него приступ зависти.

Как можно быть таким — пройти через столько невзгод и сохранить чистоту души?

Как бы ни был абсурден мир вокруг, жар и свет в душе Чэнь Мо оставались прежними.

Компания Чуанхай хотела вмешаться — их артисты оказались в центре такого скандала, они не могли оставаться в стороне. Но Цзи Линь их остановила, заявив, что Хэ Сю сейчас куда ценнее остальных.

Высшее руководство компании провело закрытое совещание и решило пустить ситуацию на самотек.

Хэ Сю превратился из безмозглого неблагодарного предателя в жертву дедовщины. Хотя публика не знала всей правды, это не мешало ей сочувствовать ему.

Но Хэ Сю не был бы собой, если бы не продолжил чудить. Как только его репутация начала улучшаться, он снова пустился во все тяжкие.

Он открыто начал перехватывать рекламные контракты и рабочие предложения у других участников группы. Хотя у него были свои огрехи, ничего фатального, особенно теперь, когда его имя частично отмыли.

У него были все задатки стать топовой звездой, условия контрактов — более чем привлекательные, и заказчики с радостью соглашались сменить исполнителей.

Хэ Сю только что объявил о перерыве в работе, как тут же начал мелькать повсюду. Его способность так быстро восстанавливаться после скандалов лишала людей желания сочувствовать ему, особенно учитывая, какими методами он пользовался. Он пролезал везде — от рекламных кампаний до съемок в модельном бизнесе.

Раз, другой — такое поведение уже переходило все границы.

Депрессивный Хэ Сю, мастер резких поворотов... нельзя не признать, Хэ Сю умел создавать шумиху вокруг своего имени.

Некоторые даже жалели его: если бы не его эпатажные выходки, разве был бы он в такой неловкой ситуации? Популярность на уровне топ-звезды, но из-за неоднозначной репутации приходится довольствоваться ресурсами второго-третьего эшелона.

Такой козырь, и так бездарно разыгран.

Самому Хэ Сю было плевать. Он действовал жестко: сказал, что заберет — значит, заберет. В первой половине года Цзян Жао и Мин Чэнь были на гребне волны, а во второй — из-за давления Хэ Сю — остались без работы.

Все то внимание, которым они пользовались раньше, теперь возвращалось к ним бумерангом.

Юнь Си повезло больше: его типаж и сфера деятельности практически не пересекались с Хэ Сю. Однако после новостей о дедовщине в группе его статус заметно пошатнулся.

В Южной Корее к подобным вещам относятся очень чувствительно.

Больше всего пострадал Чао Синьюй. Звезды больше всего боятся крушения своего идеального образа.

Его репутация пошатнулась, и после пика популярности он начал стремительно скатываться вниз. Но к Хэ Сю он обратился вовсе не из-за себя.

Чао Синьюй: Может, хватит уже? Ты хочешь выжить Цзян Жао и Мин Чэня из индустрии?

Хэ Сю: Не хватит (-)

Хэ Сю: А почему бы и нет? (-)

Хэ Сю: Учитель уже ушел из индустрии, чего им бояться? (-)

Чао Синьюй: ...

Чао Синьюй: А Чэнь Мо разве был безгрешен?

Хэ Сю: Когда вы вместе с Учителем были на вершине, почему вы не говорили, что он неправ? (-)

Хэ Сю: Учитель ушел, а вы остались в ту — почему вы тогда не говорили, что он неправ? (-)

Чао Синьйой: ту — это наша группа, а не его одного. С какой стати мы должны были уходить?

Хэ Сю: А почему вы в итоге все равно распались? (-)

Хэ Сю: Даже второму поколению проиграли (-)

Хэ Сю: Кучка бездарей, которых невозможно вытянуть (-)

Хэ Сю прислал гифку с цыпленком, клюющим капусту — настоящий мастер пассивной агрессии.

Чао Синьйой: ...

Хэ Сю: Вы можете винить его, можете даже не помогать ему.

Хэ Сю: Но нельзя убирать лестницу, когда человек уже взобрался на дерево, и нельзя бросать камни в того, кто упал в колодец.

Чао Синьйой, столько времени терпящий издевки, наконец не выдержал.

Чао Синьйой: А чем ты сам от нас отличаешься?

Убираешь лестницу, бросаешь камни в колодец.

Хэ Сю: Конечно, мы ничем не отличаемся (-)

Чао Синьйой не ожидал, что Хэ Сю ответит так быстро и с такой обезоруживающей откровенностью. Он замер, глядя на последнее сообщение.

В этот раз Хэ Сю не отправил смайлик с улыбкой.

Хэ Сю: Я ведь не Учитель.

Чэнь Мо есть Чэнь Мо.

Они все — обычные люди.

Здание Чуанхай.

Цзи Линь вызвала Хэ Сю на разговор.

Она была в строгом деловом костюме, лицо ее было серьезно: — Хэ Сю, нам нужно поговорить.

После тура Хэ Сю полгода занимался ерундой.

Да, с ее точки зрения, все эти его выходки, которые вредили другим, не принося пользы ему самому, были чистой воды ребячеством.

Хэ Сю хорошо относился к Цзи Линь. В отличие от образа прямолинейного и вспыльчивого «маленького дьявола», который видели фанаты, с ней он вел себя сдержанно и вежливо: — Слушаю вас, Цзи-цзе.

Цзи Линь смотрела на него. Они работали вместе больше года, и она не переставала удивляться: его внешность и харизма были настоящим даром небес. Она искренне им восхищалась: — Есть ли у тебя план развития?

Конечно, был.

Хэ Сю ждал, когда волна хейта, которую он обрушил на Цзян Жао и остальных, ударит по нему самому. Как только его репутация станет совсем паршивой, он сможет объявить об отношениях с Чэнь Мо.

Тогда виноватым в глазах общественности останется он один.

Учитель в худшем случае прослышет человеком с сомнительным образом жизни, а он? Он будет по уши в грязи, которую не отмыть: проблемы с моралью, характером и, возможно, с головой.

Хэ Сю сознательно формировал свою фан-базу из тех, кто исповедовал принцип: внешность — это истина, а талант — превыше всего.

Им было плевать на его слова и поступки, они умели развлекаться сами по себе. В то время как фанаты других звезд боялись, что их кумиры «оступятся», фанаты Хэ Сю получали от этого удовольствие, жажда хаоса.

К тому же, почва была подготовлена.

Полгода назад Хэ Сю уже намекал, что влюблен, и даже лично высказывался в поддержку однополых отношений. Сейчас общество стало гораздо терпимее, и любовь к человеку своего пола больше не считалась позорным клеймом.

В его фан-сообществе до сих пор было огромное количество тех, кто поддерживал этот «еретический» союз.

Конечно, как бы он ни готовился, потрясений не избежать. Но пока есть популярность и фанаты не отвернулись, шансы на возвращение остаются.

В конце концов, Чэнь Мо не совершил ничего предосудительного. Если кто-то влиятельный и целеустремленный проложит ему путь, он сможет вернуться.

Семь-восемь лет — за это время сменилось целое поколение фанатов.

Цзи Линь снова позвала его: — Хэ Сю?

Хэ Сю пришел в себя: — Да, Цзи-цзе.

Цзи Линь сменила строгий тон на более мягкий, почти беспомощный: — О чем ты думаешь? — Она узнала об отношениях Хэ Сю и Чэнь Мо еще тогда, в аэропорту. — Снова о Чэнь Мо?

Они обе знали: Хэ Сю любит Чэнь Мо. Очень любит.

Хэ Сю не стал спорить. Отвечая на вопрос о планах, он спросил: — К Чао Синьюю обращались создатели фильма?

Цзи Линь посмотрела на спокойного Хэ Сю: — ...Помимо прочего, режиссер этого фильма — Лю Сэнь, режиссер Лю.

В стране было два великих режиссера, которых называли «двумя жемчужинами»: режиссер Лю, мастер артхауса, и режиссер Чжан, мастер коммерческого кино.

Если режиссер Чжан еще мог заменить актера ради популярности, то режиссер Лю — никогда. Его требования к кастингу были легендарными. В индустрии до сих пор ходила байка о том, как он потерял миллиард из-за собаки. В одной из его сцен должна была сняться собака, и инвестор предложил свою, полагая, что режиссер сразу согласится. Но Лю Сэнь отказался.

Инвестор решил, что это неуважение, и в ярости пригрозил отозвать финансирование. Режиссер Лю действительно позволил ему это сделать.

Позже фильм стал мировым хитом, собрав более десяти миллиардов и разрушив миф о том, что артхаус не приносит денег.

Хэ Сю это знал.

Он ответил довольно невозмутимо: — Мне кажется, роль Юнь Юя очень подходит Учителю.

— Какой Юнь Юй?

Цзи Линь внезапно поняла, о чем речь, и не смогла скрыть удивления: — Ты тоже получил приглашение от режиссера Лю? Он говорил, что будет снимать этот фильм долго... Хэ Сю.

Главный агент Чуанхай с восхищением произнесла: — Ты создан для этого.

Хэ Сю был рожден для шоу-бизнеса.

Маленький успех зависит от поддержки, большой — от судьбы. У Хэ Сю были и талант, и удача.

Хэ Сю ничего не ответил, но Цзи Линь все поняла. Она сказала, что уважает любое его решение — что поделаться, Хэ Сю всегда умел удивлять.

После ухода Хэ Сю Цзи Линь нашла Су Яо: — Яо-Яо?

Су Яо сидела в телефоне, пытаясь отлынивать от работы. Пока Хэ Сю не работал, он постоянно бегал к Чэнь Мо, и быть «третьей лишней» в их компании было скучно: — Цзи-цзе... — В кабинете были только они двое, и под тяжелым взглядом тети Су Яо поспешно исправилась: — Тетя, тетушка!

Цзи Линь поняла, что ее племянница — настоящая головная боль: — Ты с Хэ Сю уже около года, верно?

Су Яо была главной фанаткой пары Хэ Сю и Чэнь Мо, она управляла многотысячным сообществом и постоянно глупо улыбалась, глядя на них: — Э? Так долго? — Она почесала затылок и глупо добавила: — Кажется, да.

Цзи Линь посмотрела на нее: — Отныне Хэ Сю будет под твоим присмотром.

— А?

Су Яо подпрыгнула на месте, вцепившись в край пиджака Цзи Линь: — Тетя, что ты сказала? Поручить мне Хэ-гэ? Я же не справлюсь, я умею только развлекаться и бегать по поручениям!

Цзи Линь похлопала ее по голове: — Этого достаточно.

Хэ Сю — человек с характером, он не терпит, когда ему указывают, что делать. Су Яо подходила идеально.

Су Яо была в шоке: — Я была ассистентом всего год, а теперь стану агентом такого популярного Хэ-гэ? Ты уверена?

— Хватит, — отрезала Цзи Линь. — Ты думаешь, если бы ты не была моей племянницей, я бы доверила тебе артиста, который может стать звездой без особого присмотра? Убери эту лень, иначе я тебя вышвырну.

Су Яо: ...

Она только год как закончила университет, она еще ребенок! Кстати, если она агент Хэ-гэ, может ли она подобрать им с Чэнь-гэ сценарий для двух главных героев?

Желательно с пикантными сценами.

О боже, не думать, не думать, сейчас пойдет носом кровь, а-а-а!

Хэ Сю поехал домой.

Домой к Чэнь Мо.

Они встречались год, и за это время Хэ Сю перевез к нему почти все свои вещи.

Когда он не работал, он всегда был у Чэнь Мо.

Почти сожительство.

Теперь Хэ Сю стал знаменит и не так часто появлялся в компании, только если Цзи Линь вызывала его по делу.

Когда он приехал, Чэнь Мо еще спал — вчера они засиделись допоздна.

Ближе к полудню солнце поднялось высоко. Уходя утром, Хэ Сю приоткрыл шторы, и теперь луч света падал прямо на лицо Чэнь Мо.

Тот не любил подушки, предпочитая спать с краю. Видимо, свет мешал, и он прикрыл глаза рукой. Пряди волос разметались по ушам, а нижняя часть лица, не прикрытая рукой, была слегка покрасневшей.

Может, Хэ Сю слишком долго на него смотрел, а может, Чэнь Мо просто выспался, но он начал просыпаться, убирая руку от лица.

В тот момент, когда он открыл глаза, он почувствовал теплую ладонь на своем лице.

— Учитель.

Хэ Сю по-прежнему называл его так.

Чэнь Мо еще не до конца пришел в себя: — Хэ Сю.

Хэ Сю убрал ладонь, которой закрывал его от яркого света, и слегка отвел взгляд, голос его прозвучал немного смущенно: — Это я.

Учитель не любил спать в одежде.

Красивая линия плеч и шеи до сих пор хранила следы вчерашней ночи.

Чэнь Мо, привыкнув к свету, откинул одеяло. На его бледной спине отчетливо виднелись красные следы — кто-то целовал его позвоночник, неистово и страстно, до самого конца.

Его голос был хриплым, с едва уловимым оттенком желания: — Сколько времени?

Хэ Сю спрятал руки за спину, сжимая ладони: — Почти двенадцать.

Чэнь Мо встал с кровати, его икры дрогнули, и он едва не упал.

Черт, проклятье.

Он мог сесть на шпагат, но не мог держать его вечно. Он посмотрел на Хэ Сю, его глаза были прекрасны, а алые губы выглядели невероятно соблазнительно: — Хэ Сю.

Элегантный Учитель не мог ругаться, но мог завуалированно отчитать маленького зверя: — Весна прошла.

Хэ Сю не сразу понял.

Был почти июнь, весна действительно прошла. Юноша опустил голову — в присутствии Чэнь Мо его сердце всегда билось быстрее, а уж когда на теле Учителя остались его собственные следы, словно он пометил его... Хэ Сю сжал пальцы, его уши покраснели: — Весна прошла.

Чэнь Мо на мгновение замер, ему хотелось смеяться, и он действительно рассмеялся: — Хэ Сю.

Хэ Сю поднял голову.

Чэнь Мо улыбался. Его волосы немного отросли, прямой нос, взгляд, который всегда казался отстраненным, сейчас был мягким, а уголки губ приподняты в нежной улыбке: — Какой же ты глупый.

Хэ Сю все еще не понимал: — А?

Чэнь Мо не стал продолжать.

Хэ Сю очень хотел спросить, но сдержался.

Это была их игра, их маленький секрет, и это осознание наполняло его сладостью.

После обеда.

Наевшись, Чэнь Мо развалился на диване.

С тех пор как появился Хэ Сю, он взял на себя почти все домашние дела: готовил, убирал, мыл посуду, поливал цветы и обеспечивал качественную сексуальную жизнь.

Система: После еды нужно немного подвигаться.

— Не хочу, — Чэнь Мо был непреклонен. — Весной тянет в сон, летом — в истому, осенью — в хандру, зимой — в спячку. Это закон природы, понимаешь?

Система: ...

Она вздохнула: — У тебя на животе появился жирок.

— Как такое возможно?

У Чэнь Мо были кубики пресса. Он приподнял край футболки и тут же сделал испуганное лицо: — О боже!

Его живот стал мягче, четкие линии пресса почти исчезли. Он не мог в это поверить: — Где мой пресс! Где мои кубики!

Система смотрела, как Чэнь Мо без зазрения совести преувеличивает состояние своего пресса: ...У Чэнь Мо телосложение было тонким и изящным, по-юношески стройным, и кубиков у него было всего четыре, но система не стала его разоблачать, а сказала: — Вставай, разомнись, ты совсем обленился дома.

— Разве это моя вина? — Чэнь Мо надул губы. — Группа tu официально стала прошлым, я больше не вернусь на сцену. Мне нечего делать, кроме как лежать.

Сейчас у Чэнь Мо почти не было социальных связей. У него не было друзей, даже родители разорвали с ним отношения.

Можно сказать, он остался ни с чем.

В девятнадцать лет Чэнь Мо хотел отказаться от всего, но группа tu была его единственной привязанностью.

Теперь этой привязанностью стал Хэ Сю.

Хэ Сю был хорош, он был добр к нему, Чэнь Мо больше не чувствовал боли, он начал ощущать счастье, но... чего-то все равно не хватало.

Он чувствовал себя потерянным в этом мире.

То, что он считал истиной, было лишь его представлением, а то, к чему он стремился, оставалось лишь мечтой.

Он жаждал свободы и любви, он верил в дружбу, он был искренен со своими товарищами по группе, они обещали идти вместе до конца.

Чэнь Мо всегда верил в это, и даже когда они стали относиться к нему холодно, он по-детски думал, что они просто злятся.

Он верил, что они не хотели причинить ему зла намеренно, ведь они были так близки.

Но это было не так.

Они именно этого и хотели.

Чэнь Мо не понимал этого. Он считал, что все в мире должно быть прекрасным и ярким: любовь, дружба, свет.

Но это было не так.

Все было иначе.

Любовь принесла ему отчаяние, дружба — боль, а родительская любовь оказалась лишь иллюзией. Пока Чэнь Мо был гением, родители любили его.

Но когда он признался в своих предпочтениях, это ударило по репутации семьи, и они навсегда отвернулись от него.

— Учитель?

Чэнь Мо очнулся от своих мыслей и посмотрел на Хэ Сю. Дома Хэ Сю одевался просто:

хлопковая футболка, спортивные штаны.

Он был невероятно красив, черные волосы слегка растрепаны, черты лица резкие, но в его темных глазах сейчас читалась лишь нежная любовь.

Хэ Сю подошел к нему, и Чэнь Мо почувствовал, как океан и горы устремились к нему. Его сердце забилося чаще, он прошептал: — Хэ Сю.

Чэнь Мо сидел на диване, а Хэ Сю привычно опустился на ковер у его ног. Он скрестил ноги и, глядя на Чэнь Мо снизу вверх, словно щенок, сказал: — Учитель, посмотрите, кажется, этот сценарий неплох.

Чэнь Мо бросил взгляд на обложку.

Остров.

В оригинальной истории это был фильм, принесший Хэ Сю славу и ставший одной из жемчужин в его карьере. Хэ Сю дебютировал в ту и за три года стал королем музыки и кино.

Режиссер Лю вынашивал идею этого фильма больше десяти лет, не решаясь начать съемки, пока в этом году не увидел Хэ Сю и Чао Синьюя.

Два молодых, полных жизни парня с невероятным юношеским задором.

Чао Синьюй был слишком долго в индустрии, в нем было меньше этой чистоты, но его темперамент идеально подходил для одного из главных героев — Юнь Юя.

Юнь Юй — свободный, беззаботный островной подросток, дикий, яркий, настоящий.

Хэ Сю открыл сценарий на нужной странице: — Он очень подходит Учителю.

Чэнь Мо никогда не знал, каким его видит Хэ Сю. Он посмотрел на него: — М?

В нем не было ничего от Юнь Юя.

Аура Чэнь Мо всегда была холодной и печальной, с явным привкусом упадка.

Хэ Сю занервничал: — Я не искал информацию об Учителе, просто интересовался ту, когда наткнулся на плакат с Учителем времен его дебюта.

Он был очень похож на Юнь Юя: свободный, дикий, яркий.

Хэ Сю казалось, что Учитель никогда не менялся — как бы ни складывалась жизнь, он оставался мягким и светлым.

Чэнь Мо замолчал. На самом деле, он всегда думал, что Хэ Сю все знает — знает об абсурдных вещах, которые он совершал в моменты отчаяния. Его ресницы дрогнули, а глаза были светлыми: — Ты не видел?

Ему было трудно это произнести, но он добавил: — Мои фотографии из постели.

Хэ Сю не видел. Он удивился: — Какие еще фотографии?

Как он мог видеть такие снимки Учителя?

Как такое вообще могло попасть в сеть?

Кто это сделал?

В душе Хэ Сю вспыхнуло яростное желание изучить десять великих пыток династии Цин.

Чэнь Мо уже научился читать мысли Хэ Сю. Он наклонился и взял его лицо в свои ладони: — Хэ Сю.

Хэ Сю на мгновение отбросил свои мысли: — Учитель.

Чэнь Мо посмотрел на него: — Знаешь?

Хэ Сю не знал.

Но Чэнь Мо сказал ему: — Я так рад.

Когда те фотографии попали в сеть, Чэнь Мо был готов встать на колени и умолять их не смотреть, не распространять.

Он был жертвой, он просто любил, но никого не волновало, была ли в этом его вина.

Они распространялись с бешеной скоростью, заполнив весь интернет. Сейчас большинство из них удалили, но что-то наверняка осталось.

Никто не знал его отчаяния, и, вероятно, никого оно не волновало.

Чэнь Мо прижался к Хэ Сю: — ...Хэ Сю.

Хэ Сю, чувствуя близость Чэнь Мо, задрал голову. Его тело напряглось от волнения: — Учитель?

Слезы Чэнь Мо были горячими.

Хэ Сю замер, обняв его за плечи: — Все хорошо.

Юноша уткнулся в шею Чэнь Мо, его голос звучал по-детски, словно он ластился: — Я — маленький щенок Учителя.

— Маленький щенок никогда не сделает ничего, что расстроило бы Учителя.